

© 2007 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ ТЕОКРАТИИ*

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент Российской академии наук.

Официальная религия неизменно превращается в организацию, преследующую своекорыстные интересы, и, таким образом, неизбежно становится реакционной силой, противостоящей изменениям и прогрессу.

Джавахарлал Неру (1889-1964), политический деятель, президент Индии

Теократия (от греч. teos – бог, kratos – власть) представляет собой форму государственного управления, при которой политическая власть осуществляется с позиций религиозной регламентации государственной и общественной жизни. Первоначальные формы теократической власти на заре развития человечества воплощались во власти фараонов, царей, ханов и других представителей различных форм господства, в рамках которых обожествлялась власть или священнослужители (пророки, жрецы, папы и т.д.) претендовали на властное олицетворение как духовных, так и светских форм управления.

Впервые термин “теократия” был употреблен И. Флавием в его сочинении “Против Аппиона” (94 г. н.э.) при описании государственного строя иудеев, в котором правовыми нормами государственной и общественной жизни были законы Моисея, трактуемые и изрекаемые первосвященниками и пророками. Власть первосвященников – верховных

* Статья на основе главы из книги «Теократия: фантом или реальность» готовится к печати.

жрецов в Иудее в V-I вв. до н.э. была ярким воплощением этого принципа управления государством, что наглядно проявилось в той роли, которую они сыграли в окончательном приговоре Христу.

Постепенно из этих особым образом регламентированных форм довления духовной власти над светской выросли теократические государства, где верховная власть руководствовалась религиозными догматами. Отчетливо выраженными формами теократического господства были арабские теократии в период первых халифатов Аббасидов и Омейядов. В средние века многие аспекты теократического государства были воплощены в жизни Священной Римской империи. Такими же признаками обладало и теократическое государство, созданное иезуитами в Парагвае в XVII-XVIII веках.

История знает различные комбинации взаимоотношений государства и религии. Иногда эти взаимоотношения обогащали друг друга, иногда противостояли или находились в нейтральном состоянии. По мере развития человечества, особенно в условиях Нового времени, происходили и происходят сложные и непростые процессы, характеризующие серьезные изменения в их взаимоотношениях. С одной стороны, ряд государств пытаются заявить себя как максимально дистанцирующихся от процессов клерикализации, что, например, наглядно проявилось при принятии проекта Конституции Европейского Союза, когда в ней не было упомянуто о христианских корнях европейской цивилизации. С другой, – наблюдается все возрастающее стремление религии(й) и ее представителей активно участвовать в политической жизни, претендовать на политическую власть, что с полным основанием можно назвать клерикализацией и теократизацией государственной и общественной жизни.

Формы взаимодействия государства и религии

Взаимоотношения государства и религии на современном этапе развития можно квалифицировать согласно положениям Конституций

существующих государства, а также той реальной практики, которая сложилась в них и по которой построены эти взаимоотношения.

Первую группу образуют государства, которые не скрывают, что они являются воплощением теократических идей, где духовная и светская власть неразделимы, где основой всей государственности являются религиозные догматы и каноны. Это Иран, Судан, до недавнего времени Афганистан. Данные страны не ограничивались установлением теократического режима в своей стране – они пытались активно экспортировать эти идеи, навязывать другим странам или поддерживать силы, которые стремятся к установлению верховенства религиозной власти. Своеобразно теократические новации реализовывались в Саудовской Аравии, которая как самостоятельное государство складывалось в течение длительного времени. Ее становлению во многом способствовало то, что у ее истоков стоял ваххабизм, со временем превратившийся в воинствующее религиозное течение. И то, что это государство было создано и устоялось, ваххабиты приписали к своим заслугам как умение формировать и удерживать власть именно на религиозной основе [1]. Но если в самой Саудовской Аравии был найден относительный компромисс между властью и мусульманским духовенством (хотя и прерывающийся столкновениями, вплоть до силовых методов), то в других странах ваххабизм приобрел более воинствующие формы. Он постепенно распространился на Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные арабские эмираты. Именно ваххабиты Саудовской Аравии содержали моджахетов в Афганистане как по идеологическим, так и по религиозным соображениям.

Ко второй группе можно отнести страны, где существует «господствующая» (государственная) религия, которой даны основные приоритеты по регулированию общественной жизни и участию в определении судеб отечества. Это Греция, Пакистан, Ливия, Мавритания, Израиль, Норвегия. К этой форме правления прибегли и в таком проблемном

государстве как Босния, которое образовалось после распада Югославии. А так как это государство состоит из трех основных анклавных территорий, населенных сербами, хорватами и мусульманами, то все они взяли на вооружение религию. Так, *Боснийская республика сербов* провозгласила официальной религией православие, все религиозные праздники стали отмечаться на государственном уровне, а в школе в качестве обязательного предмета был введен Закон Божий. Практически аналогичные меры были приняты в *хорватской Боснии*, где ориентиром в государственных делах стал *католицизм*. *Боснийские мусульмане* реализовали призыв своего бывшего премьера Изетбеговича «Одна страна – одна религия». Причем, *ислам* в этой части страны стал приобретать экстремистское направление, в частности, под влиянием добровольцев-ваххабитов из мусульманских стран. Примечательно, что дистанцированию боснийских мусульман от сербов послужили «научные» и пропагандистские усилия: мол, боснийцы не славянского происхождения. Между тем, они продолжают говорить на сербском языке, а небольшие нюансы в диалекте не позволяют, по мнению лингвистов, говорить об отдельном языке. Иначе говоря, религиозный фактор приобрел во всех трех частях этой страны статус государственного одобрения и поддержки [2].

Третью группу можно назвать поликонфессиональными государствами. В США, напомним, на денежных знаках написаны слова “In God we trust”. Присяга президента на Библии проходит в присутствии глав основных религиозных объединений. По мнению экспертов, США все больше превращается в религиозную страну, в которой протестантизм все же «правее» и «нужнее», чем все остальные. В Капитолии открыта молельная комната. В официальных клятвенных текстах начало «по воле Божьей» стало обязательным. Эту тенденцию продолжили и другие президенты. Б. Клинтон после скандала с М. Ливински объявил, что «мне нужен совет от пастырей и других людей, чтобы с Божьей помощью и у других появилось желание

простить меня», и что три пастора – Ф. Уогаман, Т. Камполо и г. Макдональд – «наставляли меня по крайней мере раз в месяц» [3]. Подчеркивает свою религиозность и Бук-младший. Творец всего сущего – непрерывный персонаж его речей. Нет числа сего сентенциям типа «Бог на нашей стороне», «Бог с нами», «мы с Богом не можем потерпеть поражение» и т.п. На вопрос: кто является наиболее, с его точки зрения, политическим философом? – Дж. Буш ответил: «Христос, потому что он изменил мое сердце». Религия, в основном евангелического толка, стала опорой республиканской партии и гарантом ее победы на выборах [4].

Четвертая группа – это светские (внеконфессиональные и нерелигиозные) государства. Например, Франция. В полной мере это – светское государство, которое не только в явном, но и латентном виде дистанцируется от любой религии. Трудно представить себе иной по отношению к религии страну, которая после Великой революции в конце XVIII века объявила себя секулярным государством, вынесла за скобки веру в Бога, и развивается под знаменем триколора, с «Марсельезой», лозунгом “Liberte, egalite, fraternite” (свобода, равенство, братство).

Пятую группу образуют государства и конфессиональные, и религиозные, такие как скандинавские страны, в известном смысле Великобритания, Германия. В Швейцарии Конституция начинается со слов «Во имя Всемогущего Бога, аминь» [5]. На этом пути стоит и современный Ирак, который, по мнению экспертов, постепенно превращается в страну с теократической формой правления.

Шестую группу представляют страны, где во имя «стратегических» политических интересов возрождаются позиции, которые были присущи им на предшествующих стадиях развития. Обычно это происходит под давлением конъюнктурных обстоятельств, при стремлении найти точки опоры, например, в провозглашении преобладающей религии государственной, как это было сделано в Грузии

при Э. Шеварднадзе. Эта рехристианизация (в мусульманских странах происходит реисламизация) выглядит нонсенсом, ибо всем мире, по крайней мере, христианском, ведутся работы по секуляризации государственно-религиозных отношений (например, в Италии, Норвегии, Греции).

Заметим, что подобное с определенными оговорками происходит и в других странах СНГ, в которых в той или иной мере стали привычными явления, называемые *политическим православием и политическим исламом*. Представители РПЦ все чаще и чаще говорят и претендуют на участие в решении политических проблем государства, которое имеет тенденцию возрастать. Как показывают итоги работы I Всемирного саммита религиозных деятелей (июль 2006 г., в преддверии саммита 8 державы в России), не оставляет сомнений тот факт, что государство в свою очередь рассматривает РПЦ как эффективный инструмент внешней политики. При рассмотрении политического ислама нередко ссылаются на опыт Таджикистана, где он легально структурирован и интегрирован во властную структуру страны. Правда, некоторые эксперты полагают, что данный пример говорит не о рациональном взаимодействии государства и религии, а о первом скрытом этапе создания исламского государства и распространении этого опыта на другие страны, в первую очередь, на государства Средней Азии и Казахстана [6].

И, наконец, есть *государства, которые по названию являются светскими, но активно поражены клерикальными процессами*. Воплощением такого подхода является Россия, хотя в ее Конституции Российская Федерация провозглашается светской страной, в которой «никакая религия не может устанавливаться государственной или обязательной» (ст. 14). Как убедительно показывает Ф. Овсиенко, в России нет четкой демаркационной линии между государством и религией, где кончается государственная жизнь и начинается конфессиональная [7]. Поэтому мы сейчас наблюдаем вмешательство церкви практически во все

сферы общественной жизни. В этой связи следует напомнить тот факт, что государственная поддержка традиционной религии (православия), так же как и политика православной церкви по отношению к самодержавию, явились одной из существенных предпосылок революции 1917 г., что привело к краху, как государства, так и тогдашней церкви [8]. Поэтому справедливо утверждение, что церковь призвана не управлять светской властью, не курить ей фимиам, не соглашаться с ней во всем и просить разные привилегии: она должна громко осуждать ее нравственные ошибки (например, с монетизацией, о чем церковь скромно умолчала), благословлять на добрые дела, обнаруживать и исцелять духовные язвы народа. Именно этого от нее ждут люди – быть совестью России. В ином случае – церковь захлестнет новая волна отчуждения, потеря авторитета, рост светского и даже религиозного антиклерикализма [5].

Между тем, государство все более и более склоняется к тому, что религия окончательно перестает быть частным делом. Государству предложена концепция социальной программы развития как со стороны православия, так и со стороны ислама. Со своей стороны государство больше не возражает против частичной клерикализации политики и заинтересовано в том, чтобы получить высшую (церковную) легитимацию ее действий, которую ему предлагают две основных религии России – православие и ислам. Но приоритет отдается православию и церковь уже в полной мере, по выражению патриарха, «сотрудничает» с ним [9].

И наконец, стоит сказать об уникальном *международном объединении государств*, которое имеет ярко выраженный религиозный отпечаток. Речь идет об организации Исламская конференция, которая была создана в 1969г. Она объединяет практически все государства (57), в которых мусульмане составляют большинство населения. Подобных организаций нет ни в христианском, ни в буддийском мире. При этой организации действует ряд самостоятельных подразделений, деятельность которых координируется

ее генеральным секретарем или находится под его влиянием. В их числе Исламский банк развития, 25% капитала которого складываются за счет саудовских финансовых вложений; Лига исламского мира, занимающаяся пропагандой ислама и оказанием помощи исламским учебным заведениям; Высший совет мечетей; Фонд исламской солидарности, целью которого является оказание материальной и религиозно-идеологической поддержки мусульманским меньшинствам за рубежом; Международная исламская организация спасения, призванная оказывать помощь всем нуждающимся мусульманам мира, черпя средства из сборов мусульманского налога «закят»; Всемирная лига исламской молодежи; Исламское агентство новостей и т.д. Все эти организации так или иначе находятся под влиянием и под воздействием мусульманской идеологии или Организации Исламская конференция [10].

Способы решения государственно-религиозных проблем

Во всем мире (или во многих государствах) применяются различные меры по регулированию государственно-религиозных отношений, анализ которых позволяет выявить некоторые общие характеристики и способы.

Во-первых, продолжает использоваться война как средство решения назревших проблем и конфликтов, что прикрывается заботой или тревогой за религиозные ценности. В XX веке это наиболее ярко проявилось на территории бывшей Югославии, где под прикрытием конфессиональных лозунгов решались политические и экономические вопросы, определялась стратегия борьбы за власть. То же самое происходило и в ирано-иракской войне, когда властные претензии суннитских и шиитских лидеров разрешались при помощи широкомасштабных военных столкновений. Чтобы оправдать *силовые методы решения проблем, теократические силы* стремятся обеспечить приоритет в вооружении, в живой силе, да еще имеющей соответствующую политико-религиозную обработку. Ряд стран, тратя огромные средства на приобретение и производство военной техники и

боеприпасов, делают все, чтобы овладеть атомным оружием. Будучи враждебно настроенными против соседей, они автоматически превращаются в угрозу планетарного масштаба [11].

Во-вторых, нередко явное предпочтение отдается одной религии в ущерб другим, хотя формально законодательством может быть провозглашено равенство всех конфессий. Для этого многие государства «маркируют» религии по степени цивилизационного родства и исторического опыта взаимодействия. Реальное государство без излишней декларации (а иногда, например, в ряде европейских и азиатских стран – конституционно, на уровне национального законодательства) ранжировало религии (классификационным параметром может выступать количество последователей, государство- или культуuroобразующая роль религиозной традиции, политическая лояльность, степень социальной адаптивности и т.д.) [12]. Кроме того, теократы во всю используют ***межконфессиональные различия и противоречия.*** Это подтверждено практикой, которая неумолимо показывает, что это предпочтение соблюдается. Так, официальная власть на Украине явно и неявно благоволит Украинской православной церкви Киевского патриархата по сравнению с такой же церковью, но Московского патриархата. Последняя рассматривается как проводник интересов России. Именно поэтому власти в Киеве заняли позицию невмешательства по отношению к тем случаям, когда церковные здания и сооружения захватывались представителями других православных или униатских церквей.

В-третьих, государство совместно с церковными иерархами использует внутриконфессиональные противоречия и поэтому не прочь подчинить себе даже родственные церкви, как например, в случае с позицией Румынии по отношению к своим собратьям в Молдавии. Дело в том, что румынский патриарх Феоктист в 1991 г. публично призвал к немедленному политическому объединению двух государств – Молдавии и Румынии. И сам

попытался ускорить этот процесс в попытке объединить две православные церкви, тогда как Молдавская митрополия находилась под юрисдикцией Московского патриархата. И хотя последняя потребовала соблюдения все принятые экуменические и канонические правила объединения, румынские иерархи не захотели ждать и объявили, что берут под свою опеку Бессарабскую митрополию, которая существовала в Бессарабии, когда она входила в состав Румынии. Этот фантом, реанимированный в условиях политических баталий и неопределенности судеб Молдавии и Приднестровской республики, носил ярко выраженный политический привкус [13].

Практически такой же конфликт возник между православными церквями в Эстонии. Внутриконфессиональные противоречия использовали первые правительства Эстонии, призвав из Швеции православную церковь в изгнании, отобрав все имущество и отказав в регистрации Русской православной церкви. Более того, они добились от Константинополя, чтобы православная церковь подчинялась не Москве, а Таллинну. В результате возникли две православные церкви, которые в известной мере повторили судьбу таких же церквей на Украине: одна была «своя», а другая – «чужая», так как была сторонником России. Потребовались годы, чтобы и Русская православная церковь Московского патриархата была официально признана. Имущество ей не возвратили, но сдали в аренду за символическую плату: два рубля. Иначе говоря, официально поддерживалась церковь, в которой видели определенное противостояние России, что лишней раз подтверждало – религиозные дела используются в политических целях.

В-четвертых, теократические притязания проявляются в случае разнобоя при трактовке и претворении в жизнь религиозных канонов и догм. Так, к трагедии, выразившейся в межконфессиональных столкновениях в Нигерии в 2000 г., привел тот факт, что в той части провинций, где живет мусульманское население (в стране значительное число христиан и

представителей других конфессий), стало решение местных правительств ввести шариатские суды. Однако не все штаты населены только мусульманами. Поэтому такое рвение на уровне даже местных правительств вызвало бурный протест, приведший к значительным жертвам и обострению и так не простых отношений между людьми, разделенными барьерами веры, что не замедлило сказаться на всех общественных отношениях в стране [14].

В-пятых, *теократические тенденции проявляются в потрафлении, желании угодить, в неразборчивости, в ложно понятом следовании моде.* Так, в России в годы перестройки и в первые годы самостоятельного существования государства в период избирательных кампаний на всех уровнях административной организации общества религиозные деятели активно вмешивались в борьбу и основном на стороне власть предержащих. Для этого использовался арсенал всяческих средств и методов, нацеленных в конечном счете на то, чтобы доказать свою полезность и необходимость. И в ряде случаев эта поддержка сыграла свою роль. Соответственно, получившие власть чиновники не остались в долгу перед агитирующими за них священнослужителями. Более того, в ряде областей, краев и республик последние получили столько благ и преференций, о которых несколько лет назад они не могли и мечтать. Руководители или высокие представители этих регионов демонстрировали себя как новаторы, рьяно обсуждали проблемы «свободы совести», выслушивали льстивые слова об их «исконно православном (мусульманском) призвании». И в то же время проявляли полную некомпетентность и примитивизм в понимании происходящих процессов в сфере государственно–религиозных отношений.

Обращение за поддержкой к религии во время избирательных кампаний весьма характерно и для стран (Польша, Испания, Литва), где католицизм имеет огромное влияние.

Иногда теократические государства как Саудовская Аравия, Иран действуют не напрямую, даже не через спецслужбы, но и через частные

структуры, различные общественные фонды, неправительственные религиозные, общественные организации. А их действия приносят не меньший эффект, чем прямые действия, ибо они нацелены на одно и то же – установление, если не прямо теократических режимов, то такой политической власти, в которой религиозный фактор будет важнейшим, основным, ведущим.

Методы государственного взаимодействия с религией

Что касается методов, то, прежде всего, стоит отметить, что *клерикализация государства начинается с доступа религиозных деятелей к принятию государственных решений.* Этими каналами являются парламенты, а также различные виды представительных и законодательных органов в регионах, городах, поселениях сельского и городского типа. Во многих странах, особенно мусульманских это является правилом, которое иногда закрепляется и другими мерами воздействия на общественную и политическую жизнь страны. Так, в Ливане, который состоит из многих этнических групп и не меньшего количества вероисповеданий, имеются политико-религиозные образования и объединения, имеющие представительство в парламенте и одновременно свои вооруженные силы, действующие наряду с ливанской армией. В европейских странах эта норма – присутствие в законодательных и исполнительных органах – не всегда соблюдается, хотя церковь если не прямо, то косвенно имеет силы, лоббирующие ее интересы.

Что касается России, то священнослужители в условиях царской России, всегда прямо или косвенно входили в группу тех политических сил, которые принимали решения. Особенно наглядным участие в управлении делами государства и общества проявилось во время функционирования земских собраний и Государственной Думы I –IV созывов. В период советской власти религиозные деятели были полностью отстранены от участия в выработке официальной политики, за исключением последних лет перестройки, когда в

Верховный Совет СССР и РСФСР были избраны представители основных религий. Эта процедура существовала до 1993 г., до выборов в Государственную Думу, образованную новой Конституцией России. К этому времени руководством РПЦ была признана нецелесообразность прямого участия посланцев церкви в работе законодательных и представительных органов.

Однако при растущем стремлении церкви вмешиваться в политику, проявившемся в конце 1990-х – начале 2000-х гг., церковь стала изыскивать различные формы своего участия в ней. В результате представители основных религий вошли в многочисленные комитеты, советы, центры и организации, имеющими как общественное, так и государственное значение. Причем это участие стало даже своеобразным ритуалом, без которого не обходились ни центральные, ни региональные, ни местные органы власти. Поэтому вполне логичным стал и такой акт: при формировании Общественной палаты как некоего общественного органа, надзирающего над всеми органами власти и отслеживающего проблемы существующего российского общества, в ее состав были введены представители только шести конфессий. Но это решение сразу же вызвало обострение во взаимоотношениях другими религиозными организациями и объединениями, ибо в эту палату не были приглашены представители баптистов, католиков, старообрядцев, а также лидер Конгресса еврейских религиозных общин и организаций А. Шаевич и глава Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ Т. Таджуддин. По справедливому замечанию митрополита Кирилла, «участие всех религиозных организаций страны в работе палаты невозможно, а элитарное представительство неизбежно разделит религиозное сообщество России» [15]. В самом деле, чтобы Общественная палата стала действительно влиятельной организацией, в ней должны быть представлены все слои и группы общества, и какая-то селекция их неприемлема. Все это лишний раз

доказывает, что участие священнослужителей в государственных делах и особенно в многоконфессиональной стране имеет весьма серьезные изъяны, которые могут обернуться конфронтацией между различными вероучениями.

Во взаимодействии с религией *государства прибегают к пиар-акциям*, стремятся показать себя проявляющими заботу о судьбах всего населения и каждого человека с учетом религиозных ценностей. Так, по мнению посла Саудовской Аравии в России М.Х. Абдельвали, его страна «заботится в первую очередь о развитии отраслей экономики, которые напрямую затрагивают благосостояние граждан. В своей деятельности государство стремится обеспечить безопасность, благополучие и процветание граждан, а также упрочить основы национального единства и сохранения исламских и арабских ценностей, создает условия для творчества и внедрения новейших достижений в области культуры, образования, здравоохранения и социального обеспечения [16]. Это ли не образчик создания благоприятного имиджа своей страны? Тем более, что для этого имеются все основания: богатство страны используется для повышения уровня жизни народа. Хотя не говорится о другом, что из Саудовской Аравии осуществляется поддержка многих радикальных и экстремистских течений, что именно основная часть террористов-смертников, сокрушивших торговый и теловой центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. была из Саудовской Аравии. Активно финансируется и поддерживается *идея создания мирового халифата*, тем более по подсчетам его сторонников, уже 1 млрд. людей исповедуют ислам, что создает возможность его образования, по крайней мере, от Тихого до Атлантического океанов. На этом пути предполагается создание промежуточных форм – локальных халифатов, вроде Центрально-азиатского.

Среди методов мощно используется получивший распространение *религиозный терроризм и фанатизм*. Отношение к ним самое разнообразное: одни страны поддерживают их открыто, другие – используют

их исподволь, третьи – смотрят на них сквозь пальцы, четвертые – не могут с ними справиться. Эти методы используют и сами религиозные экстремисты, когда ставят задачу добиться своих теократических целей, как это реализуется, например, сепаратистами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, Кашмире, Чечне, на Филиппинах, Кипре. Прикрываясь в своих действиях знаменами религиозных верований такие государства, как Судан, Ливия и долгое время Пакистан стали местом пребывания экстремистов и даже людей с очень сложной и нередко преступной репутацией. Так, Пакистан в 1970-1990-е гг. был прибежищем моджахедов, воинов джихада, современных исламских «джентльменов удачи». Кроме того, на его территории готовились эти силы. Пакистан покрывал экстремистов даже в том случае, если их разыскивали за совершенные преступления другие государства. Такая политика была оправдана до тех пор, пока Пакистан выполнял роль форпоста в борьбе с Советским Союзом. Сейчас ситуация изменилась, и собранные здесь силы стали уже угрозой самому государству, тем более что они поддерживаются и внутренними экстремистки настроенными религиозными партиями и организациями [17].

Ряд государств для ограничения теократических притязаний создает комитеты (советы) по регулированию государственно-религиозных отношений. И если Россия в начале 1990-х гг., а Украина недавно (2005 г.) ликвидировали соответствующие органы по регулированию этих отношений, то многие страны считают, что такие органы должны быть. В Узбекистане с 1992 г. существует организация (Комитет по делам религии при Совете Министров), которая занимается всеми вопросами религиозной жизни. Есть координационные советы по взаимодействию с религиями во Франции, Германии и ряде других стран.

Среди «методов» (если назвать их таковыми) используются провокации, явные или стихийные, когда своей недальновидной политикой государство усиливает религиозность и порождает

теократические амбиции. Именно колоссальные ошибки правления Ельцина в отношении Чечни привели, по выражению Дудаева, к тому, что «Россия вбила нас в ислам» [18]. Неповиновение, желание стать независимым государством чеченские лидеры начинали как абсолютно свободные от влияния религии. Не было там никакого религиозного фактора. Но именно им пришлось прибегнуть к исламу и сделать его эффективным оружием в борьбе с Россией. В дальнейшем ошибка была усугублена. Россия не смогла отделить в Чечне экстремистов от сторонников традиционного, народного ислама, уравнивая тех и других, и превратив их тем самым в своих врагов. Попытки исправить положение, предпринятые А. Кадыровым (который был и религиозным лидером), мало что изменили, ошибки превратились в застарелую болезнь.

К методам взаимодействия государства и религии нужно отнести феномен **этнизации** религий, что в большинстве европейских государств воспринимается как реальная опасность разделения на национально-религиозные сообщества. В этой связи важнейшим становится реакция правительств на проблему этносоциальной поляризации религиозных течений. Усиление такого рода дифференцирующих настроений получает свое отражение в СМИ. Западные аналитики явления такого рода рассматривают как один из феноменов антидемократичности, возможный ограничитель политического участия кругом тех, кто принадлежит к одной вере. Что касается России, то ее национальные, стратегические и геополитические интересы, тесно связанные с мусульманским миром, не позволяют рассматривать эти процессы как только антидемократические – они скорее всего могут быть охарактеризованы как феномен единства в многообразии, когда национальные и религиозные традиции учитываются при решении всех общественных проблем, не игнорируя каждый аспект их функционирования.

По мнению экспертов, *требуется новая модель взаимоотношений между государством и различными конфессиями*, которая не повторяла и не возрождала бы прошлое, а учитывала новые потребности, в том числе и претензии религий участвовать в политической жизни. Но в чем это участие должно состоять, это предстоит решать. При этом, надо исходить не только из вчерашнего и даже сегодняшнего дня, а из того, что ожидает страну в будущем. Так, в отношении России есть достаточно убедительные выкладки, говорящие о том, что через 20 лет треть россиян будут составлять «этнические мусульмане», в обеих столицах их число будет доходить до 40%, а в армии – до 50% [19]. И очевидно, что существующая модель взаимоотношений государства и религий, ориентирующуюся в основном на одну религию – православие, не отвечает потребностям времени: требуется более гибкая политика взаимодействия со всеми конфессиями, а не конфронтации и деления религий на разные виды и сорта.

Государство может действовать также при помощи законодательства. По мнению известного литературного критика и культуролога Л. Аннинского, «государство должно оберегать не Церковь, оно должно оберегать законность, в пределах которой Церковь может утешать людей, в поте лица своего выдерживающих давление свинцовой государственной длани» [20]. Между тем, законы, в том числе и касающиеся религии и религиозных организаций, трактуются в зависимости от ситуации и достаточно произвольно, особенно если это касается религиозных меньшинств. Реальностью стали факты правоприменительной практики, которая нередко удовлетворяет претензии и пожелания в первую очередь православных священнослужителей и лоббирующих их интересы политиков, чем потребности и устремления представителей других конфессиональных объединений.

Актуальным продолжает быть проблема о запрещении и судебном преследовании лиц, возбуждающих религиозную рознь, призывающих к

насильственным действиям в решении актуальных проблем. Даже в Великобритании после терактов в лондонском метро в 2005 г. ее премьер-министр Т. Блеер призвал не к увещанию (как это делалось ранее в этой стране), а к принятию жестких мер по пресечению враждебной религиозной пропаганды, конфессиональной неприязни, финансовой и моральной поддержки разного рода экстремистов.

Не исключается и применение мер экономического и финансового воздействия, нацеленных на подрыв и разрушение инфраструктуры религиозного экстремизма и фанатизма, прекращение подпитки ваххабитских мечетей и медресе, контроль за так называемыми культурно-религиозными центрами, нередко являющихся мощными проводниками радикальной религиозной идеологии.

Современные реалии государственно-религиозных отношений

Современный опыт строительства и установления государственно-религиозных отношений не только разнообразен, но и неоднозначен. *Если 80-е годы XX века пошли под знаком усиления политической активности радикальных исламистов в главных центрах мусульманского мира* (Иран, Египет, арабские страны Персидского залива и др.), *то в 1990-е годы их усилия перемещаются на периферию, в основном туда, где мусульмане никогда не представляли большинство населения* (страны Западной Европы), *или туда, где ранее были утрачены идеологические позиции* (Россия, страны Центральной Азии). Эта тенденция в полной мере соответствует концепции С. Хантингтона, выступившего с предостережением о возможном столкновении западной и восточной цивилизаций. В этот же период произошло изменение курса политики западных держав: актуальной стало борьба не с безликим и неопределенным «международным исламским терроризмом», а вполне с конкретными происламскими террористическими организациями [21].

В применении к ситуации в России можно сказать, что ее официальные государственные деятели (такие советники Ельцина, называвшие себя специалистами по национальному вопросу, как Старовойтова, Шахрай и др.) не могли четко разделить этнический и религиозный сепаратизм, в результате чего появились такие решения, которые привели к обострению ситуации, особенно на Северном Кавказе, и способствовали распространению идеи исламского государства на этой территории. А всякая неточность, неразбериха способны усугубить и испортить эти отношения, осложнить жизнь общества и многих людей. В России на заре эйфории была допущена огромная безалаберность, неразборчивость, потеря чувства самосохранения, когда в страну под провозглашенное соблюдение свободы совести хлынул поток миссионеров разного сорта и мастей. Лишь к концу 1990-х гг., осознав опасность ложно понятого принципа свободы совести, государством был принят другой закон, который работал скорее на тактические, чем на стратегические цели, вызвав как несправедливые, так и справедливые претензии со стороны многочисленных конфессий. Но до сих пор ясно одно – Россия так и не обрела точной стратегии по отношению к религиям, тем самым способствуя проявлению и поддержанию теократических амбиций.

Долгое время эта неразборчивость вела к разгулу разномастных религиозных радикалов. И только в феврале 2003 г. официальные власти приступили к решительным действиям: Верховный суд России признал террористическими 15 радикальных исламских организаций, а их деятельность на территории России была запрещена. Среди них как международные (зарубежные) организации, так и внутрироссийские. Среди первых также известные организации как «Аль-Каида» У. Бен Ладена, «Братья-мусульмане», Аль-Джихад» (Египет), «Хизб ут-Тахрир», движение Талибан, ряд организаций, чьи центры расположены в Ливане, Пакистане, Саудовской Аравии. Среди российских экстремистских организаций –

«высший военный маджлис—Шура объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», созданные в Чечне и возглавляемые Басаевым и Удугвым [22]. Но для такого решения потребовались годы, кровь и гибель тысяч людей, взрывы и теракты против мирных жителей. Стоит подчеркнуть, что принятие этих актов в немалой степени сдерживалась демагогией ряда правозащитных организаций, которые оперировали понятиями права и свободы человека, в то время как религиозные экстремисты не гнушались гибели огромного количества людей, которые были просто очевидцами этих перипетий, и даже не стояли на их пути.

Непоследовательность государства дополняется непоследовательностью региональных и местных органов власти. Так, весной 2005 г. разгорелся скандал в связи с выделением крупных средств православной церкви в Нижегородской области. Это стало аргументом для протеста мусульманской общины, которая обвинила власти в финансовой дискриминации ислама, ибо не получила финансирования на праздник татарской общины «Федеральный сабантуй». В своем протесте руководители мусульман ссылались на то, что на празднование юбилея Серафима Саровского было истрачено 50 млн. рублей, в то время как они получили отказ. Фактически с этим протестом согласилась и еврейская община. И тут трудно что возразить, ибо, во-первых, церковь отделена от государства и почему налогоплательщики должны нести расходы на религиозные дела, тем более, что среди их есть немало неверующих или сомневающих в таких подарках. Во-вторых, почему выделяется одна конфессия, и забываются другие? Аналогичные процессы, когда федеральные и региональные власти не обращали внимания на политизацию ислама, несмотря на предупреждение специалистов, означали серьезные просчеты и, соответственно, ошибки по учету негативных последствий. Это на большом конкретном материале на примере Северного Кавказа показал И.П. Добаев [23].

Вместе с тем, не отрицая значимости многих из вышеназванных методов строительства государственно-религиозных отношений, *стоит особо остановиться еще на одном, возможно, самом решающем. Это своевременный, постоянный и обстоятельный анализ общественного сознания, его состояния, учет мнений и суждений людей по актуальным вопросам, в том числе, и касающихся государственно-религиозных отношений.* При анализе этого тонкого и весьма обоюдоострого вопроса важно знать реакцию людей на взаимодействие государства и церкви. Здесь имеются два аспекта. Один из них касается оценки возможности вмешательства церкви в государственные дела, другой касается противоположной тенденции – оценки возможностей государства и ее деятелей руководствоваться тем, что связано с догматами церкви (см. табл.).

Анализ этих данных позволяет говорить о том, что состояние общественного сознания противоречиво и неоднозначно. Но ясно одно – противников тесного взаимодействия церкви и государства больше, чем его сторонников. И это далеко не совпадает с мнением чиновничества, которые в гораздо большей степени выступают за содружество с церковью, особенно не разбирая, а по каким проблемам оно возможно, а по каким следует воздержаться.

Отношение населения к участию церкви в политической жизни

(в % к числу опрошенных)

Характер ответов	Должна ли церковь оказывать влияние на принятие государственных решений	Следует ли российским властям руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями?
------------------	---	---

Определенно да	16	13
Скорее, да	26	30
Скорее, нет	27	26
Определенно нет	24	20
Затрудняюсь ответить	8	11

Источник: Левада-Центр. Общественное мнение-2005. С. 129. (N=1600. Сентябрь 2005 г.)

В работе Российского государства с религией есть весьма сомнительные решения. Зачем, например, в гимн светского государства вводить слова о Боге – «хранимая Богом родная земля!». По мнению А.Никонова, главного редактора журнала «Новый безбожник», эта строка «противоречит принципу равенства свобод граждан, независимо от религиозной принадлежности, поскольку исключает равный подход к гражданам, реализующим свободу совести в форме отрицания религиозного мировоззрения» [24]. И в самом деле, ведь религиозные чувства, вера – вещи

чрезвычайно интимные, глубоко личные. И нужно ли их эксплуатировать в политических целях?

Последствия этой конфессиональной неразборчивости, игра в поддавки и эгоизм в отстаивании своих близоруких интересов достаточно печальны. Как пишет А. Шорохов, «победная истерия (по поводу разгрома Югославии и победы в Косово. – *Ж.Т.*) схлынула, и уже нетрудно расслышать за непрекращающимися взрывами на южной окраине Европы отзвуки грядущих потрясений в самом ее сердце, а сквозь руины Свято-Троицкого храма в городе Джаковица разглядеть обломки Руанского собора» [25]. И то, что это весьма возможная перспектива, говорят взрывы поездов в Испании, взрыв в метро в Лондоне. И в связи с этим следует напомнить о двойных стандартах США и европейских стран о судьбе Косово, когда советник президентов США Бьюкенен обвинял сербов во всех смертных грехах. А теперь и он, и другие задаются вопросом: не грозит ли Европе к середине XXI века превратиться в «большое Косово»?

Сложный контекст взаимодействия государства и традиционных для постсоветского пространства религий прочитывается в дискуссиях по большому кругу вопросов социального и политического порядка, на участие в решении которых претендуют представители практически всех без исключения религий. Историческая формула об отделении «церкви от государства» до известной степени помогает понять, что секуляризм никогда не покушался на отделение религии от общества, а только церкви от государства. Данное уточнение – не единственное, из потребовавших изучения отношений между государством и религией с позиций происходящих в обществе и системе управления государством изменений. Наблюдая события в Северной Ирландии, Ливане, Иране, Афганистане, Ираке, изучая европейскую историю, нельзя не заметить наличие прямой связи между катастрофическими политическими процессами и религиозными чувствами социума. И в этой связи следует ясно отдавать себе отчет в том,

что, во-первых, пока не найдено научного определения соотношения между государством, обществом и религией в целом. Второй круг вопросов, требующих научного осмысления, связан с отношением государственной власти к религии и ее представителям. Наконец, третий круг должен включить в себя отношение исполнительной власти, т.е. органов государственной власти, к религиозным учреждениям и организациям. Как это видно, все три круга проблем указывают на необходимость выработки теоретических, политических и правовых рамок взаимоотношений государства и религий. По-видимому, поиск следует начать с ответов на следующие вопросы: что государство ожидает от религий; каким образом законодательно установить место и роль религий в государстве; как обеспечивать религиозное образование.

В заключение подчеркнем, что теократические религиозные государства очень нестабильны. Они, если и появлялись, особенно в Новое и Новейшее время, были неустойчивы, недолговременны, непродуктивны. В целом в современную эпоху происходит ползучий процесс клерикализации и даже теократизации многих государств. Что касается России, то она также движется в этом направлении: постепенно возникает модель страны с господствующей (а некоторые настаивают – государственной) религией. При этом, другие религии не подавляются, но не считаются государствообразующими, с чем многие из них не согласны и в первую очередь сторонники ислама. Все это неминуемо ведет к росту социальной напряженности, нестабильности общества и государства и даже возможным серьезным обострениям во взаимоотношениях между конфессиональными и другими социальными группами населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Добаев И.П.* Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического экстремизма //Известия вузов Северо-Кавказского региона. 2003. № 2. С. 4.
2. *Лукина Н.* Босния и Герцоговина после Дейтона //Свободная мысль. 2006. № 2. С. 133.
3. НГ. Ex libris. 2005. 28 июня.
4. *Уткин А.* In God we trust //ЛГ. 2005. № 10. 16-22 марта.

5. *Зубов А.* Русская православная церковь и российское государство. //Известия. 2000. 21 января.
6. НГ. 2000. 11 ноября.
7. *Овсиенко Ф.Г.* Политизация конфессий и клерикализации политики: тенденции развития и риски в российском обществе //Религиоведение. 2002. № 2. С..29.
8. Подробнее см.: *Андреева Л.А.* Религия и власть в России. М.: Ладомир, 2001.
9. Цит. по: *Малашенко А.В.* Еще один план обустройства России. //НГ-религии. 2001. 17 января.
10. Подробнее см.: *Игнатенко А.А.* Самоопределение исламского мира / Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001. С. 7-20.
11. *Хаизов Д.* Новый призрак бродит по Европе //Коммерсантъ. 1998. № 5.
12. *Журавский А.* Религиозная традиция в условиях кризиса секуляризма //Континент. 2004. № 120. С. 280.
13. *Стати В.* Позиция государства. НГ. 2001. 1 ноября.
14. *Тарутин И.* Религиозные конфликты раздирают Африку //Известия. 2001. 23 февраля.
15. Цит. по: НГ-религии. 2005. 5 октября.
16. См.: Дипкурьер НГ. 2001. № 6. 2 апреля.
17. *Плешов О.В.* Пакистан: исламисты в борьбе за власть //Восток. 2001. № 5.
18. Известия. 2001. 22 декабря.
19. *Попова С.* Исламское будущее //Известия. 2001. 22 декабря.
20. Цит. по: *Утяшев Д.* Церковь или стая. Какое место занимает религия в современном обществе? //НГ-религии. 2004. 15 декабря.
21. См.: Восток. 2003. № 3. С. 147.
22. НГ. 2004. 2 сентября.

23. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2003.
24. Цит. по: *Чугаев С.* Атеисты добрались до Гимна России //Комсом. правда. 2003. 10 ноября.
25. *Шорохов А.* Косово как будущее Европы //ЛГ. 2004. № 14.